

ISSN 2181-922X

TIL VA MADANIYAT

UZBEKISTAN

LANGUAGE & CULTURE

O'ZBEKISTON

2025 Vol. 4

tsuull.uz
uzlc.tsuull.uz

ISSN 2181-922X

O'ZBEKISTON:

TIL VA MADANIYAT

UZBEKISTAN:

LANGUAGE AND CULTURE

2025 Vol. 4

tsuull.uz

uzlc.tsuull.uz

Alisher Navoiy nomidagi Toshkent davlat o'zbek tili va adabiyoti universiteti

Bosh muharrir: Shuhrat Sirojiddinov
Bosh muharrir o'rinbosari: Nozliya Normurodova
Mas'ul kotib: Ozoda Tojiboyeva

Tahrir kengashi

Hamidulla Dadaboyev, Mustafo Bafoyev, Samixon Ashirboyev, Shodmon Vohidov (Tojikiston), Qozoqboy Yo'ldoshev, Farxod Maqsudov, Adham Ashirov, Zohidjon Islomov, Bahodir Karimov, Almaz Ūlvi (Ozarbayjon), Shamsiddin Kamoliddin, Roza Niyozmetova, Aftondil Erkinov, Uzoq Jo'raqulov, Sulton Normamatov, Dilnavoz Yusupova, Dilorom Ashurova, Odinaxon Jamoldinova, Ziyoda Teshaboyeva.

Tahrir hay'ati

Nazef Shahrani (AQSH)	Abdulaziz Mansur (O'zbekiston)
Elizabethta Ragagnin (Italiya)	Timur Xo'jao'g'li (AQSH)
Ahmadali Asqarov (O'zbekiston)	Tanju Seyhan (Turkiya)
Isa Habibbeyli (Ozarbayjon)	Xisao Komatsu (Yaponiya)
Akmal Nur (O'zbekiston)	Alizoda Saidumar (Tojikiston)
Akrom Habibullayev (AQSH)	Nikolas Kantovas (Buyuk Britaniya)
Bahtiyar Aslan (Turkiya)	Akmal Saidov (O'zbekiston)
Emek Ūşenmez (Turkiya)	Mark Toutant (Fransiya)

"O'zbekiston: til va madaniyat" jurnali – lingvistika, tarix, adabiyot, tarjimashunoslik, san'at, etnografiya, falsafa, antropologiya va ijtimoiy tadqiqotlarni o'rganish kabi sohalarni qamrab olgan akademik jurnal.

Jurnal bir yilda to'rt marta chop etiladi.

Jurnalning maqsadi – ko'rsatilgan sohalarga oid dolzarb mavzulardagi bahs-munozaraga undaydigan, yangi, innovatsion g'oyalarga boy, o'z konsepsiyasiga ega bo'lgan tadqiqotlarni nashr etishdir.

Ingliz, rus va o'zbek tillaridagi, shuningdek, boshqa turkiy tillarda yozilgan maqolalar qabul qilinadi. Iqtisodiy tahlillar hamda siyosatga oid maqolalar e'lon qilinmaydi.

Jurnalda kitoblarga yozilgan taqrizlar, adabiyotlar sharhi, konferensiyalar hisobotlari va tadqiqot loyihalari natijalari ham e'lon qilinadi. Mualliflar fikri tahririyat nuqtayi nazaridan farq qilishi mumkin.

Alisher Navoiy nomidagi Toshkent davlat o'zbek tili va adabiyoti universiteti.

O'zbekiston, Toshkent, Yakkasaroy tumani, Yusuf Xos Hojib ko'chasi, 103.

Email: uzlangcult@gmail.com

Website: www.uzlc.tsuull.uz

Alisher Navo'i Tashkent State University of the Uzbek Language and Literature

Editor-in-Chief: Shuhrat Sirojiddinov

Deputy Editor in Chief: Nozliya Normurodova

Executive secretary: Ozoda Tajibaeva

Editorial board

Hamidulla Dadaboev, Mustafo Bafoev, Samikhan Ashirboev, Shodmon Vohidov (Tajikistan), Qozoqboy Yuldashev, Farhad Maksudov, Adham Ashirov, Zohidjon Islomov, Bahodir Karimov, Almaz Ülvi (Azerbaijan), Shamsiddin Kamoliddin, Roza Niyozmetova, Aftondil Erkinov, Uzoq Jurakulov, Sulton Normamatov, Dilnavoz Yusupova, Dilorom Ashurova, Odinakhan Jamoldinova, Ziyoda Teshabaeva.

Editorial Committee

Nazif Shahrani (USA)	Abdulaziz Mansur (Uzbekistan)
Elisabetta Ragagnin (Italy)	Timur Kozhaoglu (USA)
Ahmadali Asqarov (Uzbekistan)	Tanju Seyhan (Turkey)
Isa Habibbeyli (Azerbaijan)	Hisao Komatsu (Japan)
Akmal Nur (Uzbekistan)	Alizoda Saidumar (Tajikistan)
Akrom Habibullaev (USA)	Nicholas Kontovas (Great Britain)
Bahtiyar Aslan (Turkey)	Akmal Saidov (Uzbekistan)
Emek Üşenmez (Turkey)	Marc Toutant (France)

“Uzbekistan: Language and Culture” is an academic journal that publishes works in the field of linguistics, history, literature, translation studies, arts, ethnography, philosophy, anthropology and social studies.

The journal is published four times a year.

The purpose of the journal is to publish the results of the latest research that are rich in new, innovative ideas and has its own concept, which stimulates debate on topical issues in these areas.

The language of articles can be English, Russian and Uzbek. Other Turkic languages are also welcome. We do not publish economic analyses or political articles.

In addition to research articles, the journal announces book and literary work reviews, conference reports and research project results.

The authors' ideas may differ from those of the editors'.

Alisher Navo'i Tashkent State University of the Uzbek Language and Literature.

103, Yusuf Khos Hojib, Yakkasaray, Tashkent, Uzbekistan.

Email: uzlangcult@gmail.com

Website: www.uzlc.tsuull.uz

MUNDARIJA

LINGVISTIKA

Muhayyo Hakimova, Feruza Rahmatova

O'zbek tilida metafora va metonimiya shakllanishida milliy tafakkurning o'rni.....6

Zoxira Xidraliyeva

Janubiy Qozog'iston o'g'uz shevalarining o'zaro munosabati23

Hairatullah Barlas

Tuhfetul-Abidin'in Şekil Özellikleri35

ADABIYOTSHUNOSLIK

Elmira Adilbekova

Hacı Bektaş Veli'nin Ahlaki Düşüncesi: Anadolu Tasavvuf Geleneğinde Etik Bir Yaklaşım.....51

Feruza Burxonova

Ijodkor konsepsiyasi va g'oyaviy-badiiy xususiyatlar.....72

Parviz Izzatillayev

Asliy matn va forsiy tarjima qiyosi: "Majolis un-nafois" – "Hasht bihisht"89

Gulrux Xudoyorova

Lirik kechinma tabiati110

Тюркан Вердиева

Отражение литературно-культурной среды Гянджи XII века в драматических произведениях XX века Мехти Гусейна и Камали Агаевой127

Leyla Karimova

Makedoniyalı İskenderin Azərbaycana Seyaheti: Tarih ve Nizami Gencevinin Hayal Dünyasında Yansıması140

SOTSILOGIYA

Fatxulla Abduvaliyev

Globalashuv jarayonlarining ta'lim migratsiyasiga ta'siri152

CONTENT

LINGUISTICS

Muhayyo Hakimova, Feruza Rahmatova The role of National Worldview in the Formation of Metaphor and Metonymy in the Uzbek Language.....	6
Zakhira Khidrallyeva The Relationship Between the Oghuz Dialects of Southern Kazakhstan.....	23
Hayratullah Barlas Formal Characteristics of <i>Tuhfetul-Abidin</i>	35

LITERATURE

Elmira Adilbekova The Moral Philosophy of Haci Bektaş Veli: an Ethical Approach in the Anatolian Sufi Tradition	51
Feruza Burkhanova The Concept of the Creative author and Ideological–Artistic Characteristics.....	72
Parviz Izzatillaev Comparison of the Original Text and the Persian Translation: “Majolis un-Nafois” – “Hasht Bihisht”	89
Gulrukh Khudoyorova The Nature of Lyrical Experience.....	110
Turkan Verdiyeva Reflection of the Literary and Cultural Sphere of the XII th Century Ganja in the XX th Century Dramas of Mehdi Huseyn and Kamala Agayeva	127
Leyla Karimova The Journey Alexander of Makedonian the Great to Azerbaijan: its Reflection in History and in Nizami Ganjavi’s imaginative World	140

SOCIOLOGY

Fathulla Abduvaliev The Impact of Globalization Processes on Educational Migration.....	152
---	-----

Отражение литературно-культурной среды Гянджи XII века в драматических произведениях XX века Мехти Гусейна и Камали Агаевой

Тюркан Вердиева¹

Абстракт

В статье рассматриваются сюжетные линии драм Мехти Гусейна “Низами” и Камали Агаевой “Махсати”. Оба автора создали замечательные драматические произведения о выдающихся представителях богатой литературной среды Гянджи XII века. В Азербайджанской драматургии XX века, создавая образы литературно-культурных деятелей Гянджи – Низами Гянджеви, Махсати Гянджеви, а также поэта Гивами Гянджеви (представленного как брат Низами), авторы формируют у читателя определённые представления о том времени. В обоих произведениях с высоким мастерством изображены личности, жившие в Гяндже XII века. В современной драматургии были воплощены выдающиеся представители и события эпохи Возрождения. В произведении М. Гусейна Низами Гянджеви представлен не только как молодой герой, скорбящий о судьбе страны, но и как верный любви Афаг и своему отечеству рыцарь, охотящийся верхом на коне. Простые люди, мастера своего дела (например, архитектор Абдек) изображены с большим художественным вкусом. Камали Агаева также внесла в своё произведение колорит, введя образы простых людей XII века из Гянджи – архитектора деда Парвар, его дочери Таргюль, помощника архитектора Ашрафа и празднично живущего Мохнета.

Ключевые слова: *литературно-культурная среда Гянджи XII века, Низами Гянджеви, Махсати Гянджеви, Гивами Гянджеви, драматургия XX века.*

Введение

В азербайджанской драматургии представители

¹ Вердиева Тюркан Музадил – Гянджинский филиал НАНА г. Центр Низами Гянджеви научный сотрудник.

E-mail: turkanverdiyeva86@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8207-0464

Для цитирования: Вердиева, М. Т. 2025. “Отражение литературно-культурной среды Гянджи XII века в драматических произведениях XX века Мехти Гусейна и Камали Агаевой”. *Узбекистан: язык и культура* 4: 127–139.

литературно-культурной среды Гянджи XII века – образы Низами Гянджеви и Махсати Гянджеви – были представлены различными литературоведами по-разному, с использованием различных сюжетных линий. Особый интерес к этой теме возник в преддверии 800-летнего юбилея великого поэта Низами Гянджеви. В это время появились многочисленные прозаические произведения, такие как “Меч и перо” М. С. Ордубади, “Тайна веков” О. Саламзаде и др. Позднее Мехти Гусейн создал драму “Низами”, написанную в прозе. Под влиянием прозы в драматургии начали появляться пьесы исторического характера: “Сон поэта” Зейнала Халилова, “Махсати” Камали Агаевой, “Махсати” Мирвари Дилбази, “Меч и перо” М. С. Ордубади, “Атабеги” Наримана Гасанзаде и др.

Пьеса Мехти Гусейна “Низами” вызвала бурные дискуссии среди критиков, получив как положительные, так и отрицательные оценки. Сам писатель был многогранной личностью – его пьесы и критические статьи внесли неповторимый колорит в литературу. Образ Низами в пьесе предстает мудрым, мужественным человеком, мастером охоты, переживающим за судьбу народа, верным любви Афаг, уважающим искусных мастеров – таких, как архитектор Абдек, и почитающим достойных творцов, как Махсати. Также его образ предстает как личность, которая, своим умом и красноречием умеет разоблачать ложных поэтов при дворе подобных Мунису, питающихся злобой и клеветой. Вместе с тем он смело высказывает своё мнение перед правителями, равнодушными к судьбе страны, и считает своим долгом призывать их на путь истины. Следует отметить, что образ Махсати впервые появился на сцене именно благодаря постановке этого произведения.

В пьесе “Низами” события разворачиваются в городе Гянджа, в саду перед балконом Низами, где щебечут соловьи. Действие начинается с отчаянными криками брата Низами – Гивами. Он рассказывает, что уступил в словесной дуэли другому поэту по имени Мунис, и зовёт на помощь Низами. Низами вступает в поэтическое соревнование с Мунисом. Оценку состязания поручают мудрой Мехсети-ханым. Слова Мехсети-ханым, с интересом воспринятые зрителями, показывают её восхищение Низами: “На мой взгляд, то, что возвышает Низами до гор – это его ум. Глядя в его глаза, я чувствую, что моё сердце не вмещается в этот безбрежный мир” [Мехди

Гусейн 2005, 312, 83]. В этих строках ясно прослеживается её глубокое восхищение умом и личностью Низами.

Махсати признаёт победу Низами, так как в стихах Муниса видит злость и зависть, а в стихах Низами – воспевание любви. Мунис признаёт своё поражение перед Низами, отказывается продолжать состязание и покидает собрание. Позже становится известно, что Мунис был подослан Ширваншахом, чтобы ослабить гянджинскую школу поэзии и подчинить её себе. Если проанализировать высказывания Махсати, можно заключить, что её умиротворяет осознание того, что Низами, будучи моложе и более одарённым, способен противостоять угрозам. Присутствие таких выдающихся личностей, как Низами, обеспечивает сохранность художественного и культурного центра города, препятствуя разрушению его “дворца искусств”. Махсати говорит: “Сейчас я подобна заходящему солнцу. Низами же – только восходящее весеннее солнце”. Сцена завершается прекрасными стихами Махсати.

Далее Низами встречается с шахом во время охоты. Шах приглашает его ко двору, но поэт отказывается, чувствуя скрытый замысел. Слова шаха, обращённые к визирю: “Низами должен расти под моим крылом. Чем дольше он останется в Гяндже, тем больше вреда принесёт нам”, раскрывают истинные намерения правителя [Гусейн, 2005, 312, 93].

Встреча Низами с его возлюбленной Афаг также происходит во время охоты. Афаг сожалеет о том, что Низами поразил кошулю. Когда Низами подходит к добыче, молодые люди встречаются, и между ними зарождается взаимная любовь. Афаг предупреждает свою сестру Даस्ताгюль, возлюбленную её брата Абдака, что поражённая в сердце кошуля – плохой знак, отмечая: “Кто-то из нас будет поражён стрелой в сердце” [Гусейн 2005, 312 – 313, 93].

В произведении хазары захватывают Барду. Афаг оказывается в плену, а её брат Абдак исчезает.

В IV сцене в Гяндже разворачивается беседа между шахом и визирем. В отличие от привычного для нас художественного стереотипа, здесь визирь изображён не коварным манипулятором, вводящим шаха в заблуждение, а справедливым и мудрым человеком. Из его слов видно, что он верит в силу слова Низами и испытывает к поэту глубокое уважение. В противоположность этому, Мунис, проигравший Низами в поэтическом состязании, искажает действительность

перед шахом, утверждая ложь: будто Низами не осмеливается явиться к шаху и якобы настроен против него. Здесь проявляется нежелание Низами иметь дело с придворной средой, со всеми её интригами и клеветой. Как говорит он сам: “Я – возлюбленный истины, моя совесть не подвержена пятнам” [Гусейн 2005, 102]. Через образ Муниса отражается двуличие дворца, зло и клевета: он постоянно пытается убедить шаха, что Низами – не человек глубоких размышлений, что его произведения не принадлежат ему и что он труслив. Подтверждает это и трусливый, лицемерный правитель города, который соглашается с доводами Муниса.

Низами приходит к шаху, прося помощи для Барды. Однако шах, равнодушный к судьбе города, не проявляет интереса и лишь предлагает Низами вернуться во дворец. Возмущённый этой безразличностью, поэт взывает к справедливости, осуждая двор, разрушивший авторитет Аблюль Улана и Хагана, и правителя, погрязшего в удовольствиях: “О, правитель! Я – вопль угнетённых, жалующихся на твоё притеснение. Я – крик, рвущийся из израненного сердца разорённой страны” [Гусейн 2005, 312, 106].

Низами напоминает шаху, что в “Сокровищнице тайн” он показал внутренний облик правителей подобного типа, и ещё не полностью раскрыл их сущность. Поэт утверждает, что на троне не должны находиться те монархи, которые заботятся не о своей стране и народе, а лишь о собственных интересах.

В V части произведения шах, полагая, что позиция Низами вдохновлена Махсати, решает отомстить поэту и приказывает арестовать Махсати, подвергнув её казни камнями прямо на глазах у Низами. Шах считает, что публичное наказание Махсати станет уроком для всех, включая самого поэта. Его обвиняют в том, что он высмеивает шаха, называет его кровожадным и жестоким, а также сбивает с пути молодых жителей города. Гордая женщина Махсати не сломлена несправедливым решением шаха; она сохраняет достоинство. Хотя она считает себя ребёнком любви, она сокрушается о том, что парус её жизни задел скалы судьбы. Несмотря на величие трагедии, она не боится смерти:

*Ни один не нарушил роковой черты судьбы,
Кинжал любви пронзил надежду мою.
Пил я чашу страсти – увы, тщетно,*

А жемчуг любви так и не нашелся! [Гусейн 2005, 312, 110].

В произведении Махсати через свои стихи выражает протест против несправедливых шахов, невежественных людей вроде Муниса и городского правителя, которые лишили ее прав. Поэтесса скорбит о стране, оставленной соколами на расправу воронам, символизирующим невежество и зло. Её поединок с правителем демонстрирует её смелость и гордость: она прямо указывает на его трусость и видит в нём образ кровожадного тирана. “Отойди, моё лицо — как зеркало; ты увидишь в этом зеркале лицо, запятнанное человеческой кровью, и испугаешься” [Гусейн 2005, 312, 108].

Рафаель Гусейнов в своих исследованиях высказывает замечания относительно устойчивой традиции преподнесения образа Махсати в литературе, особенно сцен её “побивания камнями” и “ссылки”. Он отмечает: “Почему-то всем нашим писателям и поэтам, обращавшимся к образу Махсати, сцена её наказания, побивания камнями казалась естественной и правдоподобной. Каждый из них стремился по-своему, в рамках собственных поэтических возможностей, решить этот эпизод” [Гусейнов 1989, 336, 293]. Исследователь отмечает, что подобная трактовка стала традиционной, однако она не отражает всю глубину и многогранность личности поэтессы, ограничивая её восприятие лишь рамками страдания и наказания.

В шестой части произведения описывается, как Афаг приводят в дом Низами. Правитель Дербенда посылает её к поэту вместе с посланником и письмом, в котором говорится: “Мне понравились газели, прочитанные на нашем собрании. Прими отправленные мной дары. Если хочешь прожить жизнь в достатке и наслаждаться каждым её мгновением – не медли, прощайся с теми местами, где не ценят твоего таланта. Приходи и живи среди поэтов моего дворца” [Гусейн 2005, 312, 114]. Низами благодарит посланника за подарки, однако решительно отказывается от приглашения, заявляя, что не может и не желает идти ко двору.

В седьмой части произведения, несмотря на всю красоту и чистоту любви между Афаг и Низами, ощущается глубокая печаль девушки – её сердце не знает покоя из-за судьбы брата. Афаг, движимая возвышенным чувством любви, живёт с болью в душе и в постоянном ожидании, не имея никаких вестей об Абдеке.

В этой же части описывается ссылка Мехсети. Её руки сковывают цепями, и, прежде чем отправиться в изгнание, она настойчиво просит позволить ей увидиться с Низами и Афаг. Низами потрясён этим зрелищем и восклицает: “Эти руки, написавшие сотни рубаи, должны быть украшены золотом, а не закованы в ржавые цепи!” [Гусейн 2005, 312, 124]. Последнее рубаи, произнесённое Махсати перед уходом, пронизывает сердца своей болью:

*Сердце — изгнанник, покинувший родину,
Говорят мне: “Откажись от жизни!”
Что сказать? Этот мир — лишь караван-сарай,
И, видно, истина не стоит и медной монеты!*

[Гусейн 2005, 312, 125].

Обращаясь к Богу, Низами с болью в сердце взывает к справедливости. Он спрашивает: почему, когда можно управлять миром чистой любовью и призывать людей к добру, этот мир оказывается во власти жестоких и несправедливых? Почему, стремясь спасти человечество от грязи и пороков века, вознести его к духовным высотам, он видит, как “дворец счастья” рушится под тяжестью зла?

В финале произведения Низами является к шаху, чтобы передать ему поэму “Хосров и Ширин”, прося взамен освободить Махсати-ханум из ссылки. Поэт пытается донести до правителя, что ссылка такой личности, как Махсати, – позор для истории, и столь выдающаяся женщина не должна томиться в заточении.

Однако шах, раздражённый как просьбой Низами, так и тем, что произведение написано на азербайджанском языке, приходит в ярость и бросает книгу на землю:

“Я не снисхожу до того, чтобы читать стихи на этом языке!” [Гусейн 2005, 312, 132].

Его фраза – “Нет ни Азербайджана, ни его языка” – потрясает Низами. Поэт с горечью и решимостью отвечает, предрекая возмездие:

“Гнев народа, потерявшего Мехсети и Абдека, вспыхнет, как пламя, поднимется к небесам, и этот огонь сожжёт таких тиранов, как ты, и мрак их тюрем обратит в пепел” [Гусейн 2005, 312, 132].

В приступе ярости Мунис бросает поэму “Хосров и Ширин” в огонь. Испуганный разгоревшимся пламенем, шах восклицает:

“Потушите! Я боюсь этого огня!”

Но Низами, стоя гордо и непоколебимо, отвечает:

“Жгите! Жгите! С сегодняшнего дня не только люди, но и горы, и долины будут вторить: Где Гянджа? Кто такой Низами?!...” [Гусейн 2005, 312, 132].

В произведении, среди поэтов XII века Гянджи, выделяется образ Гивами Гянджеви, родного брата Низами. Хотя Гивами представляется как склонный к алкоголю человек, истинная причина его пристрастия раскрывается через проигрыш Мунису (поэту из Барды) на поэтическом собрании. Он говорит своей матери Хадидже: “Там, где хотел прославить своё имя, потерял последние крупницы чести и опозорил себя”. Он сам признаёт: “Я знал, что вино меня погубит. Но даже если соберутся все поэты мира, они не смогут устоять передо мной, потому что поэт – это порох, а вино – искра” [Гусейн, 2005, 312, 112]. Эти строки показывают, что поэтическое вдохновение сравнивается с порохом, а вино – с искрой, и что поэт черпает вдохновение через вино. Под действием вина Гивами погружается в восторг, наслаждаясь даже щебетом соловьёв. Хотя образ Гивами в произведении и подвергнут искажению как склонный к алкоголю человек, на самом деле он предстает как заботливый сын и брат. Его сочувствие к судьбе брата проявляется в строках:

“Смотри, вот тут у меня столько горя... Шахи не оценили тебя. Все отвернулись от тебя. Я знаю. Насколько бы я не был одурманен, эх... Я, ну я то, что, я мимолетный гость, но ты, ты будешь жить вечно” [Гусейн 2005, 312, 112]. Высказав эти слова, он обнимает брата и плачет. Здесь сочувствие героя к страданиям брата показывает его милосердие и то, что он выпивает от горя.

Пьеса впервые была поставлена в 1943 году в Гяндже, где на сцене также впервые появился образ Махсати.

Камали Агаева в конце XX века, выступая в периодической печати с книгой “Если бы не ты”, затрагивала любимые темы, стремясь через литературу передать читателям труд и моральные качества современников, а также свои переживания о Родине, природе и любви. С драмой “Мехсети” она обратилась к реалиям XII века, воссоздав историческую атмосферу того времени. Хотя образ Мехсети впервые появился на сцене благодаря пьесе Мехди Гусейна “Низами”, у Камали Агаевой Мехсети выходит на сцену под своим именем

и становится главной героиней произведения. В драме наряду с историческими персонажами – Низами, Рена, Амир Ахмед, правитель Гянджи, кяит Гянджи – представлены также простые люди, созданные писательской фантазией: зодчий дед Парвар, его дочь Тергюль, помощник зодчего Ашраф, праздно живущий Мохнет и другие.

В старинном квартале Харабат города Гянджа проходит музыкальное собрание, в котором участвуют Махсати, старый зодчий дед Парвар, его ученик Ашраф, Ильяс и его жена Рена. Голос певицы (ханенде) наполняет пространство, а Махсати, держа в руках свой чанг и играя на нем, приглашает всех пережить музыку вместе с ней. Под аккомпанемент этой музыки разворачивается диалог между зодчим дедом Парваром и его учеником Ашрафом, в котором обсуждается, как музыка дарит человеку вдохновение, силу и уверенность, наполняет сердце радостью и отражает невидимую магию, заключённую в её звучании.

Дед Парвар просит ученика так воспроизводить узоры на инструменте, чтобы они не отличались от песен Махсати. Ашраф признаётся, что, слушая её мелодии, испытывает необъяснимую тревогу. Кажется, он предчувствует через её песни будущие испытания Махсати. Старый мастер объясняет грусть мелодий скрытой скорбью доброй девушки – потухшими мечтами Махсати. Ашраф задаёт вопрос: “Разве быть поэтом – грех?” Дед Парвар отвечает, что в мире, где шариат запрещает пение, игру на инструментах и смех, особенно для женщины, подобные действия считаются большим грехом, поэтому Махсати называют “кафир”. Как и в словесной дуэли Махсати с Низами, Махсати призывает людей петь, играть, смеяться и наслаждаться жизнью, переживая её как маленький рай здесь и сейчас, несмотря на конечность человеческой судьбы. В её понимании, жизнь, дарованная человеку лишь однажды, должна быть прожита без печали и страданий, а женщинам бессмысленно ограничивать себя и наблюдать за красотой мира лишь из-за занавесей или за ширмой [Агаева 1974, 140, 34].

Портрет Махсати, представленный устами деда Парвара, перекликается с образом поэтессы в романе Октяя Саламзаде “Тайна веков”. В обоих произведениях она предстает как благородная, щедрая женщина, проявляющая милосердие к бедным и сиротам. Эти черты создают у читателя

впечатление, что и историческая Мехсети обладала такими же качествами.

Музыка Мехсети сводила с пути даже последователей шариата. Хотя они считали музыку запретной и, возможно, не признавали этого открыто, они не могли оставаться равнодушными к волшебству её голоса. Особенно это ощущает Амир Ахмед: едва услышав её пение, он полностью погружается в мир музыки, и именно в этот момент у него зарождается любовь к Махсати.

*“Ах, этот голос! Когда я слушаю его,
Я теряю волю, теряю себя...”* [Агаева 1974, 140, 42].

Очарованный этим голосом, Амир Ахмед стремится попасть на собрание Махсати. Однако, поколебавшись, он направляется к мечети. Но, услышав голос вновь, уже не в силах противиться его чарам, будто околдованный, он входит в собрание. Присутствующие поражены: сын хатиба в доме певицы! Он смотрит на Махсати – и приходит в восхищение. Между ними завязывается поэтический поединок.

Увидев, что его сын попал под чары Махсети, хатиб в гневе подбегает к Эмиру и осыпает его оскорблениями, называя “бесчестным сыном”. Взбешённый, он обвиняет во всём Мехсати, клеймит её словом “кафир” (неверная) и утверждает, будто именно она сбила его сына с пути. На это Мехсети спокойно отвечает: “Причина не во мне – всему виной музыка”. Эта тема – борьба за свободу искусства и человеческого чувства – поднимается также в либретто Афрасияба Бадалбейли “Низами”, где против несправедливости выступает сам поэт. У Камали Агаевой же протест исходит от самой Махсати.

Ахмед умоляет отца не прикасаться к Махсати, пощадить её. Но хатиб остаётся непреклонным – он приказывает забросать Мехсети камнями. В этот трагический миг дед Парвар мужественно выходит вперёд и встаёт между камнями и женщиной, защищая её своим телом. Из его уст звучат полные боли и человеческого достоинства строки:

*Стыдясь страданий юной девушки,
Камни падают наземь от стыда.
Теми камнями, что зла не умеют,
Вы хотите заставить замолчать сердце.*

[Агаева 1974, 140, 95].

Позже раздаётся громкий хор голосов: “Не позволим! Не

позволим!” – эти крики заставляют мюридов отступить. После короткого совещания принимается решение: госпожу Махсати необходимо сослать.

Это решение, тяжелее самой смерти, глубоко ранит её сердце. Для Мехсети жизнь в изгнании – равносильна смерти. Она, прижимая к груди свой чанга – символ искусства и свободы, вынуждена покинуть родной дом и землю. Ночью, тайно от всех, её увозят из города. Ильяс, Рена, мастер дед Парвар, Таргюль и все остальные выступают против правителя, требуя освобождения Мехсети.

*Верни сердце Гянджи, о правитель!
Верни Махсати, верни, о правитель!*

[Агаева 1974, 140, 127].

Позже, в третьей сцене, мы видим, как Мехсети вместе с изгнанным Ашрафом оказывается в городе Балх. Ашраф занимается изготовлением кувшинов, а Махсати сидит у убогой хижины, и пишет стихи. Её строки, пылающие тоской по Родине в сердце поэтессы с поседевшими волосами, вызывают боль и сострадание у всех, кто видит её. Вдруг до Ашрафа доносится голос Таргюль. Мехсети объясняет ему, что это и есть истинная любовь [Агаева 1974, 140, 111].

В одной из сцен драмы появляется Мохнат, некогда ведущий распутный образ жизни, теперь в одежде купца. Он, ища кувшины, изготовленные Ашрафом, прибывает к хижине. Выясняется, что правитель предложил Мохнату золото, чтобы тот отравил Махсати. Причиной его пребывания здесь служат кувшины, на которых выгравированы рубаи Махсати. Разгневанный правитель отдаёт приказ о её убийстве.

Эпизод с кувшином в драме не случайный – он опирается на исторический факт. В статье Видади Гафарлы “Образ Махсати Гянджеви на азербайджанской сцене” подтверждается, что Расим Афандиев в 1981 году в Париже узнал от Фируза Бакирзаде о кувшине в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, на котором выгравированы рубаи Мехсети. Отметим, что Фируз Бакирзаде был также директором ЮНЕСКО по музеям стран Востока. Скорее всего, Камала Агаева была осведомлена об этом эпизоде с кувшином, поэтому включила этот нюанс в драму, подчёркивая историческую достоверность и важность символики рубаи Махсати [Гафарлы 2013, 11].

Позже правитель Балха встречает Мехсети и, увидев её в таком состоянии, глубоко печалится и сожалеет о ней.

Он приглашает её во дворец. Мехсети, не стремящаяся к дворцовым почестям, объясняет, что причиной её болезни была тоска по Родине. При этом раскрывается и замысел Мохнета: выясняется, что он был направлен гянджинским правителем, чтобы отравить Махсати. Правитель Балха отдаёт приказ о его аресте, но в этот момент приходит письмо. Оно от гянджинского правителя, и в нём просят вернуть Махсати, предлагая взамен один караван золота. Испуганный гневом народа, правитель принимает решение.

Мехсети радуется – тоска по Родине наконец окончена. Эта радостная весть распространяется по городу, и все – Ильяс, Рена и другие – счастливы. Махсати возвращается и остаётся у Ильяса и Рэны.

Когда к ней приходит Амир Ахмед, он видит перед собой постаревшую, с поседевшими волосами Махсати и сначала не узнаёт её, затем становится на колени перед Махсати и произносит:

“Разорви мою грудь, ищи в сердце,

Там звучит тайный голос любви” [Агаева 1974, 140, 133].

Мехсети же безжалостно пронзает словами Амира Ахмеда, в верности которого усомнилась: “Вдохновляясь верностью, ты должен был взмывать по бурным тропам любви и защитить свою любовь.” - говорит она и прогоняет его.

Она просит Ильяса отвести её домой, после чего заболевает, и в последний раз берёт в руки свой чанг и играет на нём. Инструмент выскользывает из её рук, и Мехсети навечно закрывает глаза.

Драма Камали Агаевой впервые была поставлена в 1964 году в Музыкальном драматическом театре Нахичевани. Второй раз постановка состоялась в родном городе Махсати – Гяндже. В 1967 году спектакль исполнила труппа, прибывшая из Нахичевани.

Литература

Агаева Камала. 1974. *Если бы не ты. Государственное издательство Азербайджана.* Баку.

Гусейнов, Рафаэль. 1989. *Махсати как она есть.* Баку: Языджи.

Гусейн, Мехти. 2005. *Избранные произведения.* В трёх томах. Том III. Баку: Авразия Пресс.

Гусейн, Мехти. 1959. *Избранные произведения:* Пер. с азерб. Москва:

Гослитиздат.

Ибрагимов, М. 1942. "О драме "Низами" и проблеме исторической драмы". Газета *Әдәбият*, 15 декабря.

Видади Гафарлы. 2013. «Образ Махсати Гянджеви на азербайджанской сцене». Газета *Каспий*, 24 – 26 август. №152(3007).

Reflection of the Literary and Cultural Sphere of the XIIth century Ganja in the XXth Century Dramas of Mehdi Huseyn and Kamala Agayeva

Turkan Verdiyeva¹

Abstract

The article researches Mehdi Husein's "Nizami" and Kamala Aghayeva's "Mahsati" dramas. Both authors created beautiful dramas about the rich literary representatives of Ganja of the XIIth century. By creating the image of the literary and cultural representatives of Ganja in the dramaturgy of the XXth century Azerbaijan, Nizami Ganjavi, Mahsati Ganjavi, as well as the XIIth century poet Givami Ganjavi, who was presented as Nizami's brother, they created certain impressions about that period in the reader. In M. Husein's work, Nizami Ganjavi is presented not only as a young hero who feels sorry for the fate of the country, but also as a knight who hunts on horseback, loyal to Afag's love and homeland. In this article, ordinary people, people of art and professions are presented to the readers with great skill (like the architect Abdek). Kamala Aghayeva also created a variety of images by bringing the images of ordinary people in 12th century Ganja (architect Parvar Baba, his daughter Tergul, the architect's assistant Ashraf, and Mohnat, who leads a life of luxury).

Key words: *The literary-cultural sphere of Ganja in the XIIth century, Nizami Ganjavi, Mahsati Ganjavi, Givami Ganjavi, XXth century dramaturgy.*

¹ *Verdieva Turkan* – Research Fellow at the Nizami Ganjavi Center, Ganja Branch of ANAS.

E-mail: turkanverdiyeva86@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8207-0464

For citation: Verdieva Turkan. 2025. "Reflection of the literary and cultural sphere of the XIIth century Ganja in the XXth century dramas of Mehdi Huseyn and Kamala Agayeva". *Uzbekistan: language and culture* 4: 127 – 139.

References

- Agueva Kamala. 1974. *Yesli bi ne ti. Gosudarstvennoe izdatelstvo Azerbaydjana*. Baku.
- Guseynov, Rafael. 1989. *Maxsati kak ona yest*. Baku: Yazıydji.
- Guseyn, Mexti. 2005. *Izbrannie proizvedeniya. V tryox tomax*. Tom III. Baku: Avraziya Press.
- Guseyn, Mexti. 1959. *Izbrannie proizvedeniya: Per. s azerb*. Moskva: Goslitizdat.
- Ibragimov, M. 1942. "O drame "Nizami" i probleme istoricheskoy dramı". *Gazeta Ədəbiyat*, 15 dekabrı.
- Vidadi Gafarli. 2013. «Obraz Maxsati Gyandjevi na azerbaydjanskoy ssene». *Gazeta Kaspiy*, 24 – 26 avgust. №152(3007).